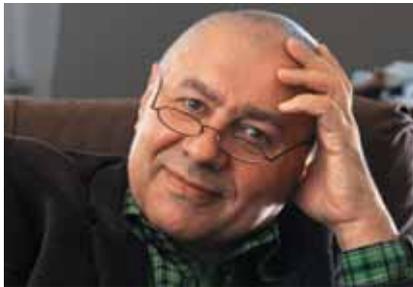

ТЕАТР НЕНАВИСТИ И РОССИЯ КАК ТЕАТРАЛ

Глеб Павловский

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала». Сомодератор секции «Стандарты демократии и многообразие демократического опыта» Мирового политического форума «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности» в Ярославле (10—11 сентября 2010 года).

Новое великое землетрясение в Японии уже заставило вспомнить все прошлые, включая разрушительное для Токио землетрясение 1923 года. То — великое землетрясение Канто имело один необычный аспект: оно было использовано тогдашней властью для сокрушительной кампании ненависти к японской коммунистической партии. Это один из первых в новейшей истории экспериментов по управлению массовой ненавистью в обстановке глобальной катастрофы. Наш мир, как мы видим, ничуть не застрахован от катастроф. Тем важнее оценить шансы ненависти, страха — и власти там, где коммуникация легко объединяет их потенциалы.

1.

Страх и ненависть масс к «элитам» повсюду окрасили повестку дня. И прежде не было любимых массами нобилей. Но сегодня заметен отказ обществ признавать политику, диктуемую «в их же ин-

тересах». Повестка истеблишмента отвергается как фальшивка, а стабильные режимы шатаются. Особенно драматично **второе восстание масс** протекает на Ближнем Востоке.

Старый истеблишмент обнаружил, что его уличают не в одном властолюбии и плохом управлении экономикой. Хосни Мубарака уже обвинили в «организации взрывов» на курортах Египта, и подложность улики никого не смущает («улики» берутся отсюда же, откуда и призывы выйти на улицу — из Интернета).

Политика подозрений — часть глобальной криминализации политики и массовых идеологий. Войны правых популистов с Барак-ом Обамой начинались еще в судах штатов. Но затем планку ненависти раскалала стрельба Джаред-а Ли Лифнера по Габриэль Гиффордс, ненавистной конгрессвумен-демократке. А февральские толпы, захватившие сенат в Висконсине, показали, как вспышки агрессии снизу блокируют выходы из конфликтов. Европейский пример — каскад опровержений мультикультурализма на высшем уровне. Здесь инициатива пока в руках истеблишмента, но тот — от Ангелы Меркель и Николя Саркози до Джеймса Камерона и генсека Совета Европы — вынужденно пятится перед межобщинной агрессией и враждой. Официальные похороны мультикультурализма — радикальный акт пересмотра европеизма. Общество разделяется на параллельные миры, их раздел признан. Никто не знает, как далеко его заведет этот пересмотр.

2.

Что тревожит Москву в далеких от нее делах? Собственный прошлый опыт. Российский опыт катастроф XX века при вторжении страха и ненависти в политику. Политика страха и провокаций, захлебывающаяся в латентной со-

циальной вражде. Отступая перед массовыми агрессивными шквалами, власти России в прошлом не раз теряли все ориентиры. **Но когда само государство рушилось, разрушительная ненависть не исчезала.** А граждане оставались наедине с перевооруженной ими, более мобильной и менее либеральной властью.

Прорвавшаяся в политику ненависть текуча. Она перенацеливается с мишени на мишень, пока не сфокусируется на приемлемой мифологичной фигуре: «буржуя» 1917 года, «кулака» 1930-го или «олигарха»-2003. Когда мишень изготовлена, «буржуем» может оказаться любой. Социальные признаки переплавляются, заливая репрессивную матрицу.

По сей день российские Вооруженные Силы официально празднуют день, когда старая российская армия была разогнана. А российская полиция, после того как ее распустили почти 100 лет тому назад, была восстановлена лишь на прошлой неделе. Оба «обнуления» сопровождалась такими шквалами убийственной ненависти, которую сегодня квалифицировали бы как геноцид.

3.

Иногда генерация ненависти выступает под «охранительным» и даже «консервативным» знаменем. Не связывая себя с реальным врагом, страх и ненависть **не связывают себя и с определенным народом.** Перед нами живой пример такого «народника» — Муамар Каддафи. Его логика прозрачна: поскольку от него, *народного вождя*, отвернулись, он конструирует для себя *другой народ* — с помощью верных племен, наемников и остатков вооружения. Эту логику легко обнаружить в полемических выпадах молодежного политика Бориса Якеменко, уравнившего власть в России с военно-террористической тактикой Каддафи.

Здесь парадоксальным для консерватора образом, Государство Россия исчезает из поля зрения. Нигилист-фундаменталист «охраняет» status quo ценой подрыва конституционных институтов и традиционных моральных основ. В его катастрофичном воображении власть одинока как сталкер. Она пробирается среди руин государства, отстреливаясь от общества, полного оборотней и чудовищ. Такой «охранительный нигилизм» хорошо памятен по истории русского народничества.

4.

Восстания масс в России, даже невооруженные, всегда сопровождалась идеей начать государство с нуля, исключив из него некоторую часть общества. Уход старых элит и приход новых в России ставит под вопрос само существование общества — отбрасывая его к нулевой утопической точке, к Ground Zero. Для одних это 1991 год, для других 2000 — год избрания Путина, а для кого-то и 1917 (большевистская революция выступает неонароднической «общей теорией всего» — к ней, в конце концов, отсылают жалобы на испорченную реальность).

Русское неонародничество, с первого своего явления еще в XIX веке, вечно ищет мишень социальной агрессии. Ненависть дает ему санкцию на неограниченный нигилизм в отношении институтов, ценностей и социальных групп. **Но эта утопия особаго рода — похищенная утопия.** С чередой «Россий, которые мы потеряли» политическая история превращается в серию краж. А поскольку украденное невозможно вернуть и нечем компенсировать, «народу» остается «отмщение».

Презумпция воровства шансов «начальниками», то есть «ими», у «народа», то есть «у нас» стерилизует историю для всякого опыта, кроме уголовного и конспиративного. Разоблачения будущих заговоров заменяют политическое обсуждение. Авторитет социолога и антрополога в России поделили следователь с полицейским, шансон и криминальные сериалы. Социальная наука лишена права го-

лоса в России, и политический опыт здесь некому обсуждать (разве что — во внутренней среде самой власти, укрепляя ее стратегическую монополию).

5.

Современные коммуникации не поддаются цензуре, что показали недавние попытки свергнутых властителей Туниса и Египта «отключить Интернет». Новая власть социальных сетей — в их энергетике групповой эмоциональной мобилизации. Интернет, каков он есть сегодня, отключает внутренние фильтры доверия, тем самым облегчая будущие манипуляции доверием. Правда, сегодня он часто досажает правительствам своей нормой прозрачности. Но прозрачность в сетях достоверна не более, чем персональная идентичность. Прозрачность легко инсценируют, наполняя ложными мишенями и виртуальными артефактами. **Интернет освободил своего пользователя от «химеры, именуемой репутацией».** Ты вправе быть гадоком в Интернете, не подлежа при этом моральной оценке. **Каждый вправе быть любим.** Не трогая тех, кто слишком опасен (например, правообладателей защищенного копирайта, банковских и военных сетей), каждый здесь делает то, что хочет. Так возникают новые джунгли, где ненависть поощряется и становится популярной массовой игрой. В такой игре неизбежно возникают и модераторы.

По глобальным сетям бродят шквалы латентной ненависти, обнуляющей личное мнение. Авторитеты сегодня бессильны перед ней. Но мы знаем, как часто ненависть несет вирус власти еще менее традиционного и более опасного образца. Русский опыт здесь требует быть настороже.

6.

Ненависть — один из вероятных кандидатов на роль будущего мировой политики. По ходу мирового кризиса общества получали все новые основания своего всегдашнего недоверия к элитам. Но элиты — это не конечная мишень, для ненависти они недостаточны.

Презрение к элитам в прошлом было формой их признания. Ненависть может пойти значительно дальше старых мишеней.

Ненависть легко отрывается от своих первопричин и не нуждается в том, чтобы их вспоминать. А это, стимулируя политическое беспамятство, облегчает движение к «всепоглощающей» власти. Базовый вызов — это *тандем «ненависть — власть» — власть, создающая предметы ненависти и управляющая ими.* Обойму восстания масс составляют ненависть, страх и зависть. Зависть подсказывает мишени для ненависти и страха. Страх «обосновывает» зависть и агрессию, подпитывая ими энергетiku воли к власти.

7.

Термины власти, ненависти и страха вскоре замкнутся в схемы современных коммуникаций. Вслед эпохе «застойных автократий» идут политики более искусственного типа. Стала технически осуществима власть, собранная на инновативных платформах, оснащенная передовыми социальными, финансовыми и сетевыми приемами. Такая власть будет изощренней тиранов-эксцентриков, типа Садама и Каддафи. Нарративно предприимчивая, она своевременно предложит увлекательные сюжеты с приемлемыми социальными ролями. С миметической гибкостью играя мишенями и сценариями для заскучавших масс, она уведет их к новым сюжетам. Объекты ненависти станут сингулярными, и от них будет все трудней уклониться.

Но и такая власть недолго проживет без Хозяина, и будет кем-то приватизирована. Такого все сильного Господина Мишель Фуко с отвращением и тоской угадывал в перспективе биовласти. Но и он, конечно, не мог предвидеть радикальной угрозы — прорыва практик господства на мировой уровень, за горизонт национального *raison d'etat* к неограниченному дирижированию виртуальными и живыми телами. Восстания масс именем свободы часто получают имя новых властелинов. ■